

Дом стекла

и света

Марк Хармс

18+

Марк Хармс
Дом стекла и света

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Хармс М.

Дом стекла и света / М. Хармс — «ЛитРес: Самиздат», 2018

"Дом стекла и света" - это роман, в котором читателям вместе с сыщиком Питером Блоком, потерявшим память, предстоит пройти по этажам исполинского "Дома", которым правит загадочный Хэйл. Жители его "телегосударства" - в большинстве своем безвольные марионетки, мечущиеся между потоками вездесущей рекламы, наркотиками, обещающими светлое будущее, и постоянным превознесением своего правителя любыми способами. Читатель увидит, что за прекрасными голограммами и усыпляющими словами прячется кошмарный мир лжи и жестокости, и вместе с Питером узнает, к чему приведет его противостояние с таинственным тираном, прячущимся за телеэкранами.

1. С чистого листа

Белые двери и белые стены вокруг. Сливаются в одну поверхность, и взгляду не за что зацепиться, он беснуется и скачет из одного места в другое... Люди в белом, словно пришельцы из иных миров, расставляют руки в стороны и смеются над ним, будто над маленьким ребенком, но он знает одно – он должен бежать, не имеет права останавливаться... И люди ли под этими безжизненными одеждами?

В голове путаются мысли, они бегут, словно бурный ручей, тело тяжелеет и падает на пол...

Глаза открываются. Но теперь все было по-иному. Не было стен, и в голове все прояснилось, только затылок немного болел, словно его ударили чем-то тяжелым и одновременно горячим... Что с ним случилось? Должно быть, дурной сон!

Но тогда где он находится? Видения из кошмара постепенно растворяются, уступая место лестничной клетке. Наверху – яркая лампа под стеклом, на полу – красная ковровая дорожка, уползающая вниз и вверх по лестницам, словно причудливая змея. Куда идти? Вверх!

Первый этаж, второй, третий... На каком он проснулся?... Должны быть коридоры, иначе во всем этом нет смысла! Он бежал все выше и выше, перепрыгивая ступеньки... Что же это за место, в котором есть только бесконечная лестница? Наконец, он запыхался и остановился. И тут же осознал, что не помнит вообще ничего.

Как его зовут? Как он выглядит? Нет ответов, голова была пуста, будто он только что появился на свет. Как же так – не знать своего имени? Поиски ответов в карманах приводят к обнаружению блокнота с прикрепленной к нему белой ручкой. Первая страница была исписана мелким почерком по пунктам:

- *Пробраться в Дом, полностью изучить его*
(помечено галочкой);
- *Корпорация “Мираж” – как она связана с похищениями людей?*
- *Разобраться в ценности солина*
(помечено галочкой);
- *Отыскать и спасти принцессу Элли;*
- *Кем является Хэйл – тираном или благодетелем?*
(слово “тиран” подчеркнуто).

Судя по первому пункту, помеченному галочкой – он находился в каком-то Доме. Что еще за Дом? Почему с большой буквы? Но – неважно, есть куда более интересные вопросы. Это были его задания? Но тогда кем он являлся?

Быстро пролистал блокнот, из него выпали какие-то бумаги. Все три – газетные вырезки. На первой было написано:

“Сегодня, 21 февраля, из своего дома пропала принцесса Элли в сопровождении служанки Мирабеллы Лонг. Неизвестно, является ли это похищением, или же это было обдуманное решение самой принцессы (в последнее время принцессу охватила т.н. “жажда внеземных приключений”). В ее покоях были обнаружены рекламные листовки корпорации “Мираж”, организующей путешествия в иные миры. Тем не менее, твердо уверенный в похищении своей дочери король Лариан, судя по информации от источника, пожелавшего остаться неизвестными, снарядил группу детективов...”

Вторая газетная вырезка была чуть короче:

“...Визит детективов не выявил следов нарушений со стороны корпораций, владеющих Домом, а также не обнаружил каких-либо следов принцессы Элли, что ставит под сомнение способность короля Лариана адекватно оценивать всю ответственность, которую он несет, делая подобные публичные высказывания...”

И третья, совсем коротенькая:

“Группе сыщиков во главе со знаменитым Питером Блоком было поручено спасти принцессу”.

Также, порывшись в кармане, он обнаружил еще один предмет, поначалу укрывшийся от его внимания – запечатанный конверт. На его обороте было написано крупными буквами: “ПИТЕРУ БЛОКУ. ВНИМАНИЕ! НЕ ОТКРЫВАТЬ ДО ПЕРВОГО ЗЕРКАЛА”. Зачем-то оглядевшись, он убедился, что зеркал нигде не появилось, и убрал конверт в карман, пообещав себе открыть его, когда наступит время.

Так кем же он был? В голове по-прежнему пустота... Наверняка конверт бы многое поведал, но его пока нельзя открывать. Решено! С этого момента он будет Питером Блоком, знаменитым сыщиком. Он проникнет во все уголки таинственного Дома и найдет принцессу Элли, где бы она ни была!

Но в одном из карманов лежал еще один лист, упущенный им. Блок развернул его и улыбнулся – это был чертеж Дома, кошмарной исполинской башни в тысячу этажей! Какой же это дом? Целый город под одной крышей, терявшейся в небесах. Как же он найдет принцессу, где взять в себе столько сил и решимости? Не потому ли его лишили памяти, чтобы он любой ценой выполнил эту задачу? Ответов не было.

2. Старый рабочий

Теперь, когда он обрел имя, нужно было выбираться отсюда, с этой лестницы без конца и края. На каком он этаже? Нужно было считать с самого начала! Ну, хорошо, он начнет прямо сейчас. Это будет первый, это второй, третий...

Но он же сыщик! Нужно подойти к ситуации осмысленно... А что, если конца и нет? Это было невозможно, но точно так же невозможна и эта ситуация, в которой он оказался. А вдруг где-то здесь есть потайной ход? Рычаг, кнопка, кирпич...

Он ощупал стену, с виду монолитную и непрístupную. На глаза его попалась еле заметная серая кнопка, замаскированная и замазанная той же краской, что и вся стена. Он нажал на нее, и, к его великой радости, стена отошла в сторону, открывая чудесный в своей простоте коридор, освещенный теми же лампами. Питер быстро устремился туда, оставляя позади опостылевшую лестницу, с удивлением отмечая, что его тело полно сил и энергии, и бежать было очень легко.

Сбоку появилась полуприкрытая дверь. За ней – скромная комнатка: голые серые стены, та же аккуратная лампа под стеклом в потолке, бетонный пол. В центре – металлические стол, стул и тумба с телевизором. На стуле сидел старик и неотрывно глядел в экран, на котором одно яркое изображение быстро сменялось другим, руки на коленях, нет движения. Питеру показалось, что перед ним мертвец, но вот он моргнул. Питер решительно толкнул дверь:

– Здравствуйте! Извините, что побеспокоил...

Старик испуганно вскочил, оглядываясь по сторонам, словно... Да ведь он и вправду слепой! Глаза были чуть подернуты бледной пеленой, рот задрожал:

– Кто здесь?

– Меня зовут Питер, Питер Блок, но это все, что я знаю! А кто вы такой? Что вы здесь делаете? Почему вы смотрите в телевизор, если вы слепы? Что такое Дом?

– Как ты сюда попал, Питер Блок? Ты человек?

– Я уверен, что это так.

– Но это невозможно!

– Почему же?

– На лестницу нельзя попасть из Дома. Ни один житель не может на нее попасть!

– Значит, я не житель Дома, – заключил Питер. – Умоляю тебя, друг, расскажи мне обо всем, что ты знаешь. Моя голова пуста, словно высохшая ваза!

Успокоенный старик сел на свой стул, приготовившись рассказывать. Но тут его взгляд снова устремился в светящийся телеэкран, и он замер в прежней позе. Питер с интересом посмотрел туда же.

На экране был величественный зал, переполненный солидными мужчинами в черных костюмах и дамами в вечерних платьях. Было какое-то важное совещание, приятный женский голос докладывал, что заседание скоро начнется. Тут среди толпы безликих людей показался молодой парень, в том же черном костюме, но на лице его была озорная улыбка. Кто пустил его на важное мероприятие? Улыбаясь на камеру, он принялся делать всякие гадости – опустил галстук важного мужчины в стакан с водой, затем ножницами разрезал платье у одной женщины...

– Какой гадкий юноша! – в сердцах воскликнул Питер и взглянул на старика, остающегося безучастным. – Кто он?

– Это Хэйл, повелитель Дома, – с горечью в голосе ответил старик.

Питер удивленно вскинул брови, вспомнив записи в блокноте.

– Но как этот молодой юноша, обладая таким дурным поведением, может стоять во главе столь огромного сооружения?

Старик усмехнулся.

– Это то, что мы все заслужили. Давным-давно шуты и скоморохи были развлечением для королей, а теперь все перевернулось с ног на голову – теперь шуты и есть короли...

– Как ты видишь то, что творится в телевизоре? Ты ведь слеп.

– Я видел эти передачи тысячи раз... Я помню их содержание лучше, чем всю свою тусклую жизнь. Но не будем о грустном, мой друг. Эти экраны, они манят к себе... Даже теперь, когда я уже давно потерял зрение и стал слеп, они служат для меня светом в конце темного туннеля. И я с трудом могу оторваться от них...

Он снова стал переводить свои невидящие глаза на яркое зеркало телеэкрана, и Питер решительно нажал на серебристую кнопку. Экран погас, и старик с облегчением вздохнул.

– Благодарю тебя, неведомый гость! Эти экраны, они сводят с ума, они заставляют сидеть на одном месте, уверяя, будто все, что ты можешь познать в этом мире, всегда у тебя под рукой! Так Хэйл и победил – он пришел и дал нам свободу, и дал нам солин, и мы поверили ему и превратились в бездушные куклы... Где ты, наш спаситель, Питер Блок? Подойди ко мне!

Питер послушно подошел, и старик заключил его ладонь между своими:

– Поклянись, Питер Блок, что ты разрушишь то, что я сотворил! Поклянись, что ты отмстишь Хэйлу за то, что он сделал со всеми нами!

– Клянусь! – торжественно возвестил Питер, и старик с облегчением улыбнулся, словно выполнил свою единственную миссию. – Расскажи же мне теперь обо всем. Что это за безумная телебашня? Кто такой этот Хэйл? И что здесь происходит?

Старый рабочий встал со стула и медленно, шаркая ступнями по голому полу, подошел к столу. Облокотился о его поверхность и начал свой рассказ:

– Никто не знает, откуда взялся Хэйл... Некоторым кажется, что он был всегда и существует в телеэкранах, в сотнях и тысячах сюжетов, реклам и телепередач. Другие верят, что

он уже давно старик... Хэйла никто не видел живую вот уже много лет – с самого начала существования Дома он поселился во всех экранах и с тех пор не показывался нам, простым смертным. Кто-то полагает, что Хэйл – это хитрая программа или даже компьютерный вирус, но, как и всегда, истина остается сокрытой. Хэйл всегда неизменен – он является нам юным парнишкой, озорным и дерзким хулиганом, преследующим нас на каждом шагу. Когда-то мне нравилось видеть его повсюду – на телепанелях по всему городу и на обороте своей кружки, на проезжающих машинах и вертолетах над своей головой, и даже в самом воздухе... теперь же мне кажется, что Дом, который мы построили – ад на земле, а Хэйл – его бессменный повелитель. Тысячи его глаз-телекамер развешены по всему Дому, на всех его этажах, во всех стенах и экранах, и он присутствует в каждом разговоре, он слышит ссоры друзей и любовный шепот, предсмертный хрип и возглас радости! Все в Доме подчинено Хэйлу...

Старик надолго замолчал, собираясь с мыслями, и Питер нетерпеливо прошелся от одного конца маленькой комнатки до другого.

– Что касается Дома... Он был построен мной и еще несколькими сотнями рабочих много лет назад. Говорили, что все государства хотели построить здесь телевизионный центр, сердце высоких технологий нашего века, но... Мне кажется, они уже давно пожалели об этом. Власть в Доме почти сразу захватил Хэйл со своей шайкой бандитов и наемников, а якобы независимые компании “Мираж” и “Телемир” – такие же пешки в его руках, как и мы сами...

– Что такое солин? – спросил Питер. Его удивляло то, с какой скоростью и легкостью он мог припоминать все детали, которые попали на его глаза в последние часы, словно он и не жил раньше, а родился сразу взрослым на той бесконечной лестнице.

– Это настоящее чудо, – с готовностью ответил М412. – Металл, который при должной обработке превращается в чудесный порошок, обостряющий все твои чувства и мысли... Радость он возведет до восторга, а восторг – до блаженства! Можно забыть о любых тревогах и печалях, если у тебя под рукой есть это чудесное вещество... Люди рвались работать в шахтах под Домом, чтобы всегда вдыхать солин. Там, в шахтах, царит постоянное веселье... Солин открыл нам целый новый мир – он внушал нам, что все наши тревоги и опасности позади, и нужно лишь вступить в этот мир, и мы окажемся на небесах! Мы построили его идеальным, совершенным, и солин лишь укреплял в нас эту мысль. Сейчас солин используется корпорацией “Мираж” – чтобы внушать своим клиентам, что миры, в которых они путешествуют, реальнее нашего; а “Телемир” держит своих актеров в добровольном рабстве, вынуждая их драться за каждую крупинку солина для своих лайверов...

Слепой рабочий умолк.

– Расскажи мне теперь про себя. Как тебя зовут? Почему ты сидишь взаперти? – допытывался Питер.

– Меня зовут... звали Орианом Треем. Да... Ориан Трей... – он мечтательно уставил глаза в потолок, и на секунду сыщику показалось, что старик снова обрел зрение. – Так меня звали еще до того, как я пришел сюда, с такими же молодыми рабочими, как и я сам, строить этот треклятый дом, эту поганую башню!.. Но сейчас у меня нет имени, у меня есть только номер – М412. Вот, погляди!..

Старик стал поспешно сдвигать в сторону воротник, обнажая область чуть ниже шеи. Там была черная татуировка, изображающая его новое имя – М412.

– После того, как мы закончили строительство, нас всех загнали сюда, в прослойку между стенами и этажами, чтобы мы погибли здесь безвестно и бесславно... Есть лишь телеэкран – он дарует спасительное забытие, и год, проходящий за годом, уже не кажется такой катастрофой... Даже если это и стоило мне моего зрения...

– Чем же ты питаешься?

Старик, не глядя, показал пальцем на свой стол. Там, на тарелке лежало несколько разноцветных кубиков в обертках “Вита”. Питер взял один и осторожно облизнул его поверхность – она была приторно сладкая, словно состояла из одного только сахара.

– Эти цветные кубики – наш завтрак, обед и ужин. Концентрат всех необходимых пищевых добавок и витаминов... Но Хэйл что-то подкладывает туда – я не знаю этого наверняка, но чувствую; когда я съедаю “Виту”, у меня сразу пропадает любое желание выбраться отсюда...

– Но почему же ты, зная об этом, просто не покинешь это место? – удивленно спросил его Питер.

– Нет. Я не имею права. Я выполнил свою задачу, я построил Дом, и теперь обязан доживать здесь, в объятиях телеэкрана, как наказал мне Хэйл... Я слишком слаб и слишком стар, чтобы жить с обычными людьми. В Доме нет места старикам... И даже захоти я этого – много ли я сделаю, будучи слепым?

Старик посмотрел прямо перед собой, куда-то вдаль, вспоминая, и проговорил:

– “Вы постарались на славу, М412, и работа ваша завершена. Но вы – житель старого мира, и вам будет непросто в моем новом доме. Вы останетесь здесь, чтобы достойно закончить свое существование” – вот, что сказал мне тогда Хэйл. Тогда мне казалось это справедливым...

Питер выглянул в коридор, в конце которого виднелась белая дверь.

– Куда ведет эта дверь в конце коридора?

– Это лифт. На нем можно попасть в Либерталию.

3. Призрак

– Что такое Либерталия? – с интересом спросил Блок, раскрыв свою карту. Либерталия, судя по плану, была над шахтами, в которых добывали солин вечно опьяненные пылью шахтеры, и над солиновыми станциями, обеспечивающими энергией весь исполинский Дом.

– Это город возможностей, – ответил старик. – Сюда, в Дом, устремляются все самые амбициозные и преисполненные надежд авантюристы и предприниматели всех сортов – и осанавливаются они, главным образом, в Либерталии – “двести пятьдесят этажей свободы”, как их еще называют. Чем ниже этаж, тем ниже уровень благосостояния – на самом дне обитают отъявленные негодяи и разбойники, а на самых высоких этажах всем заправляют могущественные корпорации и синдикаты.

Либерталия – воплощение духа свободы, который представляет собой Дом, – продолжал старик. – Огромные здания корпораций, вроде той же “Виты”, простираются сквозь десятки этажей, пронзая пространство Дома, словно иглы; на каждом шагу стоят телепанели, экраны, голограммы – они зазывают рекламой, а по воздуху летают рекламные дроны, которые транслируют ту же рекламу с заоблачных высот. В Либерталии можно купить все что угодно – лишь бы у клиента было достаточно хэйлов, единственной валюты, которой подчинено все в Доме. Там торгуют честью, совестью и доверием. Либерталией правит реклама – в дневное время суток. Когда же Хэйл захочет, в Доме наступает ночь – и тогда на сцену выходят не менее могущественные, чем корпорации, солиновые картелы и солиновая мафия. В их лапы попадают все, кто подсел на солиновую иглу в попытках окрасить свое существование... Мафия и корпорации тесно сотрудничают, и это известно всем, но полиция никогда их не тронет. Полиция существует только для того, чтобы оберегать благополучие сильных от гнева слабых.

М-412 надолго замолчал. Питер подумал, что в Либерталии он наверняка сможет набрать команду отважных и отчаянных авантюристов, которые помогут ему в его непростом деле. Он снова заглянул в чертеж Дома, и внимание его привлекли полсотни этажей под названием “Миракулюс”. Питер спросил об этом старика, и тот ответил:

– Миракулюс – или Страна Чудес – место обитания всесильных мира сего: владельцев крупнейших корпораций, медиа-личностей, банкиров, держателей акций и хэйл-облигаций, политиков, королей и принцев... Именно там, по слухам, иногда показывается Хэйл, чтобы

перекинуться парой словечек со своими самыми богатыми подданными, и, может быть, даже рассказать свою новую шутку. Все самые величайшие достижения в области технологий, медицины, робототехники и телевидения направлены на то, чтобы превратить эти пятьдесят этажей в настоящий рай! Все жители Страны Чудес носят специальные линзы-С, чтобы их взору предстали все чудеса современных технологий – дополненная реальность и иные, неподвластные моему разуму, чудеса инженерной мысли. Все то, о чем только могут мечтать клиенты “Миража”, доступно добрым людям Миракулюса. В дополнение к линзам, они постоянно заряжают свои лайверы, чтобы еще сильнее погружаться в новую реальность...

– Что такое эти лайверы, о которых ты постоянно говоришь? – перебил старика Питер.

– Это то, что составляет основу Дома. Все жители оснащены этими устройствами, встроенными в мозг; лайвер есть даже у меня, и, я надеюсь, его нет у тебя... Если зарядить лайвер дозой солина, то у человека раскрывается его разум, и после окончания действия солина он будет мечтать только о том, чтобы вновь погрузиться в это чудесное состояние! Когда лайвер работает, житель Дома легко верит во все, что происходит вокруг него. Но это не одурманивание, вовсе нет! Человек понимает, когда лайвер начал свою работу, и добровольно позволяет ему расширить свое чувство реальности. Это главная идея Хэйла, который изобрел и роздал лайверы всем жителям – чтобы раскрыть свой разум и стать сверхчеловеком, необходимо жить в нескольких мирах сразу. Актеры из компании “Телемир” борются между собой, чтобы получить новые модели лайверов, позволяющие испытать новые грани актерского опыта, они тратят на это сотни и тысячи хэйлов, а жители Либерталии благодаря лайверам работают и живут гораздо ярче, чем обычно.

Кивнув, Питер свернул карту.

– Похоже, ты рассказал мне все для того, чтобы я мог выполнить свою задачу, – он снова быстро прошелся по комнатке – три шага на пять, совсем крохотная! Как в ней можно жить столько лет? Воистину, Хэйл обладает талантом гипнотизера, если заставил людей добровольно жить взаперти! Но тут он спохватился: – Нет ли у тебя зеркала?

– На что оно слепому? – усмехнулся старик. – Уже целых десять лет я нахожусь в крошечной тьме, которую разогнать может только ослепительный телеэкран...

– Сколько же тебе лет?

– Двадцать восемь.

Питер удивленно посмотрел на этого молодого старика – сгорбленного и слепого, в свои неполные тридцать лет!

– Таблетки “Вита” намеренно ускоряют все процессы в нашем организме, заставляя его стареть столь рано, а телеэкраны разрушают разум... Проклятый Хэйл не остановится, пока не сживет со свету всех строителей своей чудесной башни! Он завлекал нас словами о новом, прекрасном будущем, но в итоге заставил нас соорудить грандиозную ловушку и оставил умирать... Люди для него – еще один ресурс, наравне с электричеством и солином, он забирает нашу энергию, заставляя нас поверить, что мы работаем для самих себя, но в итоге мы станем лишь оболочками, готовыми потреблять и умирать... И пусть тебя не заставит свернуть с дороги внезапное осознание, будто Хэйл делает твою жизнь лучше! Все экраны в Доме сводят с ума и заставляют делать то, что угодно Ему!.. Пообещай мне, Питер Блок, что ты остановишь этот кошмар, что ты вернешь нам наши умы, наши чувства и наши молодые тела, и самое главное – ты покончишь с Хэйлом!

– Обещаю, – ответил Питер, не напоминая о своей клятве, которую он уже давал старику совсем недавно. И сразу же понял, как сложно будет выполнить свое обещание.

Старик утер слезы, выступившие на глазах, и сказал:

– Благодарю тебя, герой, пришедший с лестницы! Теперь пойдем, я провожу тебя до лифта – он весь состоит из зеркал, как и все в Доме. Иногда я совершаю короткую прогулку до

него и обратно, и мне кажется, что из глубины лифта на меня смотрю я сам, еще до тех времен, когда я подписался строить эту адскую телебашню...

– Пойдем же, скорее! – заторопился Питер. Наконец-то он снова пойдет вперед!

Вместе они преодолели безукоризненно чистый коридор, и Питер отворил дверь. Перед ним действительно был открытый лифт, все стены которого были зеркальными. В них он мгновенно увидел коридор позади себя и... все! Его в зеркале не было! Что же это за зеркало такое, которое само выбирает, кого показывать, а кого – нет? Внезапно он перевел взгляд на старика, все еще медленно бредущего от своей комнаты, который отразился в зеркале так же верно, как и все, что было сейчас вокруг Блока. Выходит, он... невидим?

Он махал руками. Топал. Припадал к земле и быстро подпрыгивал.

Для верности он подошел к зеркалу вплотную, но оно упорно продолжало игнорировать его. Он подышал на поверхность, и на ней появился мокрый след – слава богу, он не бестелесный призрак! Между тем, сам он, скользя взором по своему телу, прекрасно видел самого себя – элегантный черный костюм, белоснежная рубашка, лакированные туфли, дерзкий галстук и кожаный ремень – настоящий аристократ нового времени!

Так вот его секретное оружие – невидимость! Вот как он проникнет во все уголки этого удивительного Дома, вот как он заставит Хэйла ответить за все то, что он сотворил! Вот как он найдет и спасет принцессу Элли! Все дороги открыты перед ним, все двери, он всемогущ и всемогущ, он – могущественный призрак, он – бог, спустившийся с небес, чтобы покарать злодеев! Питер ощупал свои черты лица – единственное, чего он пока не может узнать во всех подробностях... Но кому какое дело до его лица, если его никто не увидит?

Опомнившись, он запустил руку во внутренний карман пиджака, туда, куда он сложил все свои бумаги. Извлек конверт и аккуратно вскрыл печать. Это был какой-то импровизированный договор:

“Настоящим договором я подтверждаю свое согласие на проведение операции распыления, т.н. “эсприд”, и отдаю свое тело для проведения этого эксперимента в руки д-ра Коннора Прима, чтобы в состоянии невидимости проникнуть в Дом вместе со своими напарниками и изучить все его тайны. Если же подтвердятся все опасения по поводу Хэйла и корпораций, контролирующих Дом, нужно будет незамедлительно устранить Хэйла и глав этих корпораций на благо всему человечеству”.

Подпись: Питер Блок

Ниже, уже другой рукой, было дописано следующее:

“Я, д-р Коннор Прим, успешно провел операцию эсприд над Питером Блоком. Состояние незаметности продлится ровно тридцать суток”.

Подпись: Коннор Прим

– Как жаль, что я не могу увидеть тебя, – печально промолвил старик, уставив невидящий взор в зеркало перед собой.

– Не стоит жалеть об этом понапрасну, мой дорогой друг! – воскликнул Питер и бросился в пляс. – Обладай ты даже зрением молодого юноши, ты бы не смог меня разглядеть! Меня никто сейчас не сможет увидеть – даже твой всемогущий Хэйл!

Казалось, что его никто теперь не сможет остановить. Он продолжал скакать перед зеркалами, плясать и подпрыгивать, разводить руки в стороны и сводить их вместе – все понапрасну! Зеркало устало принимать образы Питера и просто отказывалось это делать! Доктор Коннор Прим совершил настоящее чудо!

Питер простился со стариком и зашел в зеркальную кабину лифта. На нем было только две кнопки: “Застень” и “Либерталия”. “Застень” – выходит, старик мог бы покинуть свою обитель в любое мгновение, захоти он этого? Видимо, это его выбор. С замирающим сердцем Питер нажал на вторую кнопку, хлынул красный свет, подсвечивая буквы, и лифт тронулся. Но как только он отошел от панели, пол начал пропадать из-под ног, а мир стал сжиматься. Голова загудела, мысли вновь стали путаться...

4. Светящийся город

...Снова кошмарный сон поглотил его с головой. Он бежал и никак не мог остановиться; голова была похожа на разоренное гнездо, в котором не осталось никаких мыслей. Люди бежали за ним, а он – от них, все дальше, вперед, по белоснежным коридорам, обложенным плиткой... Что-то постоянно ускользало от него, он не мог его схватить, он не мог почувствовать свои руки, словно это уже был и не он вовсе, а грубая кукла... Крики отражались от стен, оглушая, усыпляя...

– Добро пожаловать в Город Свободы!

Вновь все пропало, словно и не было кошмарного сна. Как он был рад этому чудесному избавлению! Там, в этих ужасах на обратной стороне своего разума он словно переставал быть собой, куда-то мчался и от кого-то удирая. Еще и эти белоснежные стены, в которых заблуждался взор, не позволяя зацепиться хоть за что-то. Почему ему постоянно снится один и тот же сон?

Он встал с пола – слава богу, не зеркального – держась за голову, хоть она уже и не болела. Перед глазами встал экран, неведомо как возникший на зеркальной стене; с экрана на Питера – а вернее, на то место, где стоял Питер, ведь он был невидим – дружелюбно глядел тот самый парнишка из комнаты старика. Хэйл! Блок никак не мог привыкнуть к тому, что он – вот этот вечно улыбающийся озорной юноша – мог быть злодеем, о котором с таким ужасом рассказывал не по годам старый рабочий. Теперь Питер смог разглядеть его получше: молодое, без единой морщинки лицо, ровные белые зубы, высокий лоб, карие глаза и короткая стрижка, немного курносый и одно ухо чуть оттопырено – словом, обычный юноша, коих миллионы.

– В Либерталии вы найдете все, что государства всего мира запрещают вам под самыми разными предложениями! – Его голос был очень приятным и даже убаюкивающим, а словам сразу хотелось верить... Как только Блок поймал себя на этой мысли, он сразу понял всю силу голоса Хэйла – не каждый обладал столь крепкой волей, как сыщик, и мог легко поддаться его чарам. Нельзя позволить Хэйлу приобрести еще одного послушного сторонника! – Еда, напитки, развлечения, услуги, хобби, работа – все это открыто для каждого жителя Либерталии! Миром Дома правит свобода – окунитесь в нее один раз, и вы больше никогда не вспомните о жестоком и ужасном мире за стенами этой обители! Я – Хэйл, и я никогда не дам вас в обиду!

Внезапно Питера пробрал холод – почему экран разговаривает с ним? Неужели он узнал о его присутствии в лифте? Неужели он обнаружил его, распяленного и отторгнутого всеми зеркалами? Или, возможно, программа приветствия включается автоматически после каждого открытия дверей? Для спокойствия Блок решил принять для себя эту последнюю гипотезу.

Вскоре мерное движение кабины лифта прекратилось. По ощущениям Блок не мог определить, поднялся он выше или ниже, а, может быть, он и вовсе двигался по горизонтали? В этом странном Доме все кажется таким необычным... Двери разошлись в разные стороны, приглашая Питера войти в темный коридор. Помедлив, он покинул кабину и пошел вперед. Спустя несколько мгновений он добрал до темной двери, для открытия которой пришлось приложить некоторые усилия. Наконец, она поддалась, открыв взору Питера грандиозное зрелище.

Стекланный пол вместо асфальта. Наверху – такой же пол, словно прозрачный потолок, и внизу – то же самое. По стеклу ходят тысячи людей – самых разных народностей и самой разнообразной внешности. Тут и там пол прорезают, словно титанические иглы, огромные небо-скребы, чьи корни терялись глубоко внизу, на нижних этажах, стволы проходили перед Пите-

ром, а верхушки устремлялись вверх, до самой Страны Чудес. Десятки и сотни магазинчиков, павильонов, торговых центров, памятников, офисных зданий и множество других архитектурных сооружений, которым не придумано имени в его языке. И повсюду – свет: яркий и тусклый, желтый, оранжевый, синий, красный, зеленый, белый, он лился с неоновых вывесок, голографических изображений, огромных электрифицированных плакатов, он лился из пустого пространства и даже с небес, вместо которых здесь были бесконечные слои этажей. Приглядевшись, Питер увидел там, наверху, на следующем этаже сотни двигающихся ног, и то же самое он увидел внизу, под собой – сотни и тысячи голов и плеч. Повсюду было движение – в воздухе летали причудливые дроны-роботы, транслирующие рекламу миллионом разных голосов, на огромных телеэкранах, возвышавшихся над людской массой, один рекламный ролик сменялся другим... Питеру показалось, что он оказался в аду или в раю, потому что такого он не мог представить даже в своих самых безумных мечтах и кошмарах!

Воистину, Либерталия была человеческим муравейником из стекла и света!

Когда удивление спало, Питер заметил группу людей, двигающихся в его направлении. Это были, судя по всему, полицейские – приятная глазу синяя форма, тяжелые ботинки и странные устройства на их поясах сразу навели Блока на эту мысль. Один из полицейских быстро двинулся в сторону сыщика, и тот инстинктивно отпрянул в сторону, приготовившись продать свою жизнь подороже, но оказалось, что полицейский лишь захлопнул за Питером дверь.

– Сержант, здесь открыта дверь, – обратился он к старшему по званию, которого от остальных отличали странные цветастые погоны. – Стоит проверить?

– Возможно, бездомные, – безразлично ответил сержант. – Когда вернемся, нужно отправить сюда дрона. Он возьмет анализы и найдет преступников.

Закрывший дверь полицейский согласно кивнул, и весь отряд неспешно пошел дальше.

Питер облегченно выдохнул. Он все никак не мог привыкнуть к своему “распыленному” состоянию! Однако, какая же странная здесь полиция. Неужели в этом обществе, населяющем Дом, не осталось преступников опаснее, чем бездомные и бродяги, если полиция регулярно обходит периметр всех этажей? Ему предстоит ответить на великое множество вопросов.

Нужно изучить Либерталию, подумал Питер. Возможно, принцесса будет где-то здесь? Он вспомнил, что вместе с ним отправили еще нескольких сыщиков – под его руководством они должны были выполнить опасное задание, но где они все теперь? Он не знает ни их имен, ни того, как они выглядят.

Питер устремился вперед по одной из улиц, вливаясь в постепенно нарастающий людской поток. Жители Дома одевались кто во что горазд – молодежь предпочитала цветастые ткани и вызывающие оттенки, у многих были татуировки, будто в моде теперь было подражание тюремным заключенным. Люди постарше, хоть и в большинстве своем одетые более серьезно, не были единой массой – тут и там проскальзывали молодежные элементы. У Питера складывалось впечатление, будто общество Дома всегда хочет казаться молодым. Он вспомнил слова своего недавнего собеседника: “В Доме нет места старикам”. Почему в этом мире их так не любят?..

А еще у всех были маленькие экраны – кто-то периодически вытаскивал их из карманов, с чем-то сверяясь, кто-то не расставался с ними ни на секунду. Некоторые жители Либерталии, казалось, были рабами этих устройств – они постоянно что-то фотографировали или рассказывали, глядя в бездушную поверхность, будто экран был живым человеком, порой пропуская мимо ушей слова своих спутников или вовсе их игнорируя. Впрочем, тех это не обижало – они тоже были привязаны к своим экранам.

Между тем, вокруг становилось все шумнее. Питеру приходилось прилагать немалые усилия, чтобы уклоняться от прохожих, не догадывающихся о его присутствии, но это удавалось не всегда, и некоторые начинали удивленно озираться по сторонам, не понимая, с кем они

только что столкнулись. Реклама была повсюду, она кричала, умоляла, зазывала, упрашивала, угрожала и визжала сотнями мужских, женских, детских и иных непонятных голосов отовсюду – со стен небоскребов, с потолка, с плакатов и голограмм; рекламные телеэкраны, большие и маленькие, вдвойне оживляли этот удивительный город в башне.

– Ты хочешь бегать быстрее? Тогда тебе стоит приобрести кроссовки "Райпс" из нашей новой сезонной линейки! А также специальные рельефные...

– "Фудлайн" открывает новую сеть ресторанов сверхбыстрого питания – просто подойдите к прилавку, и робот-повар сам вас накормит! Экономия времени налицо!

– С новыми видеодфонами из пятой линейки вы всегда будете в курсе всех событий Дома! На этой неделе – скидка до семидесяти...

– Наши бизнес-тренеры обучат вас, как увеличить вашу прибыль на тысячу процентов!

– Перестаньте сидеть на бесполезных диетах и скорее покупайте тапочки для похудения "Хипп-Он"! Всего полхэйла, и можете распрощаться с ненавистной частичкой самого себя!

– Хочешь красивую мускулатуру через две недели? С микстурой "Чудо-Мускул" ваши мышцы будут разбухать прямо на глазах! Имеются противопоказания: головная боль, тошнота, эпилепсия, судороги, резь в желудке...

– Я купила линзы "АРС" и теперь ничем не отличаюсь от добрых людей Миракулюса! Мой дом превратился во дворец, а вокруг прекрасные мужчины, готовые утолить любой каприз!..

– Учебник по развитию внутренней мотивации! При покупке первых пяти частей – следующие пять частей в подарок! Купите один раз – и забудьте о своей лени навсегда!

– Участвуйте в фестивале "Борец с системой" и выиграйте главный приз – место в Парламенте Дома!

– Очередные Свободные игры! Набор добровольцев! Победивший получает Билет на Новую и Счастливую Жизнь!

– Я уже добился успеха и готов поделиться его секретами с вами – всего лишь отправьте необходимую сумму на электронную карту с номером...

– Умные костюмы – теперь подстроятся даже под вашего кота! Имеются ограничения на массу...

– Участвуй в лотерее "Кадр" и получи главный приз – двадцать пятый кадр с твоим лицом во время ежедневного хэйла!

– Завтраки от "Фудлайна" – специальная фирменная булочка, фирменный кофе в стаканчике, фирменный пончик и лицензированная яичница – всего за семьсот...

– Надоел убогий внешний вид вашей гостиной? Облик вашей жены вызывает панику? Шторы наводят на мысли о суициде? Выход есть! Приобретите линзы "ОКО", и эти проблемы навсегда исчезнут для ваших глаз!

Пролетавший сверху дрон изрядно напугал Питера своим неожиданным появлением:

– Продавайте свои сбережения, занимайте у друзей и соседей и бегом – покупать билет в новый свет! Корпорация "Мираж" готова подобрать для вас мир, который полностью вас устроит! Поторопитесь: набор первооткрывателя – только на этой неделе!

Опьяненный всеми этими звуками и изображениями людей на рекламных голограммах, которые казались более живыми, чем он сам и другие люди вокруг, Питер хотел только одного – сбежать отсюда подальше. Здесь было намного светлее, чем на поверхности далекой звезды, и шумнее, чем внутри механического оркестра... Подальше от этого шума, болтовни, призывов и экранов... Внезапно он понял, что вновь проваливается в свой кошмар, в котором его голова была переполнена миллионом чужих голосов, и он куда-то бежал, бежал, чтобы поймать того, кто постоянно ускользал от него... Он падает, но ничего не чувствует, повсюду белый кафель, и люди – тоже белые, в бесформенных одеждах, и голоса их тоже белые, стерилизованные и

бесполье... Но вот из белого тумана к нему кто-то приближается, слышится его участливый голос: “Наложение личностей друг на друга, Питер. Я ведь говорил вам об этом?”

...Он очнулся в какой-то подворотне. Похоже, в бессознательном состоянии он нырнул какое-то ответвление от главной улицы, и теперь мог со стороны наблюдать за вечной рекламной вакханалией, творящейся на улицах этого бесконечного города. Сотни и тысячи людей куда-то шли, куда-то заходили, бежали и торжественно шагали, но теперь Питер, слава богу, не принадлежал этой толпе. Но как же они могли жить в таком шуме и в окружении постоянно сменяющих друг друга рекламных изображений? Приглядевшись к проходящим мимо людям, Питер заметил то, что поначалу укрылось от его взгляда: почти у всех в уши были вставлены наушники, а на глаза – надвинуты темные очки. Как же он раньше этого не увидел? Какой же это ужасный мир, в котором люди вынуждают друг друга изолироваться от того, что творится вокруг, заглушая зрение и слух! Видимо, старый рабочий был прав, и экраны Дома действительно могли ослеплять и сводить с ума.

Простым созерцанием ничего не добиться. Питер до сих пор с удивлением отмечал у себя в голове, что под ним десятки и сотни подобных этажей, и он может спокойно смотреть туда, вниз, сквозь почти прозрачный пол, облепленный грязными следами сотен подошв. Каково же должно быть высокомерие жителей сверху, которые могли взирать так на всех жителей Либерталии!

Пока он шел, над головой его продолжали жужжать дроны, а реклама продолжала эхом разноситься по закоулкам, в которые он забрел. У этажа была странная планировка: похоже, существовало несколько главных, артериальных улиц, параллельных друг другу, на которых жителей ожидал цифровой хаос, а связаны эти улицы были гораздо менее шумными улочками, в которых, похоже, существовало правило на запрет громких объявлений. На стенах висели десятки живых рекламных плакатов, но шума от них было гораздо меньше, чем на основной улице – люди на этих объявлениях по-прежнему улыбались и были бесконечно счастливы тем, что предлагали купить прохожим – которых тоже было гораздо меньше. В окнах первых этажей он видел людей, занимающихся самыми разными делами – они о чем-то разговаривали друг с другом, чем-то возмущались, любовно ворковали и ссорились, но при всем этом их неизменно окружали экраны разных размеров.

Стены домов, заметил Питер, не казались кирпичными – они были белыми и сплошными, словно идеально высеченными каменными глыбами. Питер коснулся стены – она была приятной на ощупь, немного теплой и даже шершавой. Питер отметил про себя, что в Либерталии было тепло – словно Дом находился в теплом климате, хотя это было не так. Сколько же, должно быть, энергии уходит на то, чтобы обогреть этот невероятный небоскреб!

Тут до его ушей донесся чей-то возмущенный голос:

– Эй, какого черта? Вы не имеете права... Я здесь живу!

Голос доносился откуда-то справа. Питер быстро нырнул туда и обнаружил лежащего на полу оборванца, молодого парня, держащего в руках светящийся экран – должно быть, тот самый видеофон из рекламы. Над ним в угрожающих позах замерли полицейские – те самые, которых Питер видел в первые мгновения своего прибытия в Либерталию.

– Вы прекрасно знаете правила, гражданин! – грозно говорил оборванцу сержант. – Жители Дома должны жить в своих домах! Либо вас провожают обратно в Старый свет!

“Старый свет?” – удивился Питер, – “Должно быть, они имеют в виду весь остальной мир”.

– Я не желаю находиться дома, – бескомпромиссно заявил оборванец. Приглядевшись, Питер понял, что ошибался – человек, лежавший на полу, казался бродягой лишь с первого взгляда из-за одежды странного вида. Но теперь Питер видел, что одежда была чистая и хорошего покроя, хоть и старательно хотела казаться поношенной. Должно быть, одно из течений моды Дома.

– Почему, позвольте поинтересоваться?

– Там повсюду камеры. В телевизоре, в зеркалах у меня в ванной, в потолке... Даже в чертовом фоне! – пожаловался парень, показывая на устройство в своих руках. – Зачем вам столько камер?

– Это одно из условий телевизионного государства, – терпеливо ответил сержант, – и вы это прекрасно знаете. Великий Хэйл и всемогущие корпорации стараются для вашего же блага, собирая информацию о своих жителях, об их потребностях, желаниях и прочем, чтобы улучшить вашу жизнь и предугадывать ваши дальнейшие запросы.

– Могу ли я отказаться от этого?

– Нет. Ни в коем случае.

– В таком случае я предпочту покинуть Дом, – заявил протестующий, отворачиваясь от полицейских. – Ведите меня.

– Как пожелаете, – улыбнувшись, ответил сержант. Он протянул руку, желая помочь тому подняться с земли. Протестующий благодарно принял ее, но, когда он встал, один из полицейских, находившихся за его спиной, стремительно ударил его по шее. Оглушенный парень без чувств упал в руки сержанта.

– Какой глупый житель, – прокомментировал это безобразие полицейский, напавший со спины. Остальные угодливо засмеялись. – Неужели он не знает, что из Дома нет выхода?

– Видимо, он предпочел об этом забыть, – ответил сержант, брезгливо передавая обмякшее у него на руках тело своим подчиненным. – Отведите его в участок к остальным преступникам, ожидающим переправы в шахты, Рейн.

– Слушаюсь, сержант Рой!

Вся группа патрульных покинула переулок.

Питер, безучастно наблюдающий за происходящим, забыл на время, как дышать – настолько он боялся попасться им на глаза. Полиция в Доме действовала подло – по крайней мере, та, которую сейчас имел возможность наблюдать сыщик. Им нельзя было доверять! Но почему сержант сказал, что из Дома нет выхода? Неужели всех, кто недоволен жизнью в этом странном государстве, уводили в шахты?..

Питер решил продолжить свой путь по переулку. Он вернулся обратно и почти добрался до следующей улицы, уже издали встречавшей его мерным гулом миллиона неживых голов. На углу стояло одноэтажное здание, на вывеске которого было написано “Домашний очаг”. Ощувив внезапную усталость, Питер решил войти внутрь, осмотреться и, может быть, даже что-нибудь съесть. С этими мыслями он подошел ко входу, дождался, пока внутрь не зашел посетитель, и следом за ним юркнул в уютный, освещенный старомодными фонарями, коридорчик.

5. Убийцы в “Домашнем очаге”

Пройдя коридор, Блок оглядел зал: около десятка деревянных столов, окруженных стульями, в дальнем углу – барная стойка. Народу было немного, и почти все присутствующие сидели за столом в центре – самым широким и, похоже, самым древним во всем Доме. За барной стойкой скучал низкорослый усатый бармен, иногда поглядывая на собравшуюся публику. На стенах были развешены экраны, транслировавшие какую-то ерунду – новости, совещания и говорящих котиков.

Питер тихонько, стараясь заглушать шаги, словно кошка, прокрался к столу, ближайшему к центральному, и сел на стул, приготовившись подслушивать разговоры. Он был сыщиком, и ему нужны были данные для того, чтобы спасти принцессу и добраться до Хэйла – а где добыть их еще удобнее, чем здесь, слушая ничего не подозревающих людей?

За столом сидела разношерстная компания, как по внешнему виду, так и по возрасту и поведению. Единственное, что их объединяло – одежда темного цвета и нелюдимость.

– Нам ведь ясно дали понять, Ромо, что деньги будут после дела, – продолжая давно начатый разговор, сказал молодой парень. У него была причудливая прическа – с левой стороны свисали длинные черные волосы, а с правой череп был абсолютно гладкий, будто бильярдный шар. Он, как и остальные его спутники, был одет в черное – широкие походные штаны со множеством карманов, военная темная куртка, массивные часы со светящимися голубыми цифрами. Лицо парня обладало резкими хищными чертами. Когда он разговаривал, он высоко поднимал губы, словно постоянно скалился. – Так что хватит спрашивать у нас, когда нам заплатят. Мы все в одной лодке и знаем не больше тебя!

– Хорошо, хорошо, Шон, не горячись, – закивал толстый Ромо, у которого обильно потело лицо. Он достал из нагрудного кармана своего элегантного черного пиджака белый платочек и промокнул лоб. Он был полностью лысым, а черты его лица были гладкие и скругленные, словно у великовозрастного младенца. – Я просто пытаюсь разрядить обстановку. Я хочу быть уверен, что после задания мы не поубиваем друг друга, чтобы кому-нибудь одному досталась вся награда. И еще я хочу, чтобы мы все были в хороших отношениях. Вот почему ты все время молчишь, Эггс?..

Толстяк обращался к зрелому крепко сбитому мужчине с острыми чертами лица и черной бородой, который абсолютно не участвовал в разговоре и лишь глядел на собеседников, изредка попивая что-то темное из бокала. Эггс устремил на Ромо тяжелый взгляд:

– А ты, Ромо, хочешь, чтобы я тебя в щечку поцеловал? По-моему, хватает и того, что я тебя до сих пор не прикончил, – он отпил из бокала. – Все время только болтаешь. Вот увидите, единственный, кто хоть что-то сможет сделать, когда мы доберемся, буду я.

– Ну да, Эггс. Точно, – усмехнулся Шон. – Совсем забыл, что ты провалил три последних контракта. Ты действительно умеешь доводить дела до конца.

Эггс приготовился спорить, но толстяк Ромо, словно заботливая мать, развел руки в стороны, приговаривая:

– Это же Шон, Эггс! Он так шутит!

– Нам не стоит шуметь, а тем более – ссориться, – абсолютно равнодушным голосом сказал еще один из этой причудливой компании – человек непонятного возраста с очень бледным лицом, узкими квадратными очками и по-аристократически тонкими длинными пальцами. – Умение держать себя в руках – признак настоящего профессионала.

Все затихли, успокоившись. Питер удивился – почему все послушали этого с виду невзрачного человека? Но вскоре заговорил пятый, последний, кто до сих пор не участвовал в разговоре:

– Отто, ты уже придумал план? – Его голос был писклявым, он был самым старым и самым низкорослым в этой группе. Руки его были усеяны перстнями, а вместо одного уха была его железная копия – видимо, протез. Обращался он к бледному парню, чье мнение тут, по-видимому, все считали самым важным.

Бледный, словно смерть, Отто кивнул.

– Да.

Все придвинулись к Отто поближе, желая узнать план, и даже Эггс посмотрел на него по-человечески, а не исподлобья. Между тем, по Отто не было видно, что он был заинтересован в своих товарищах – он смотрел прямо перед собой и разговаривал размеренно-монотонно, словно сам с собой, и очень тихо. У него было аристократически-утонченное бледное лицо, на глазах покоились прозрачные очки, прикрепленные к голове тонкими проводками. Чтобы услышать, что же он скажет, Питер придвинулся чуть ближе, скрипнув стулом – к счастью, никто не обратил на это внимания.

– Сначала Эггс попытается пристрелить Винкерса из снайперской винтовки. Если это не удастся – а это не удастся точно, так как у него много телохранителей – так вот, если это не удастся, тогда придет очередь Шона. Шону нужно будет отвлекать охрану, пока ты, Ромо,

будешь распылять свой газ. В это время Джеронимо должен будет притвориться Винкерсом и устроить неразбериху.

– А ты? – хрипло спросил Эггс.

– А я буду следить, чтобы операция шла как надо.

Все замолчали, обдумывая план. Шон хищно крутил глазами, скользя взглядом по столу, что-то представляя, Эггс сам себе кивал, с чем-то соглашаясь, Ромо загадочно улыбался, глядя по сторонам, а старый Джеронимо хмурился все сильнее. Молчание длилось несколько минут, и вскоре его осторожно прервал старик:

– М-м-м... Мне одному не нравится этот план?

– Есть такое, Джер, – ответил Шон, вперив дикий взгляд в невозмутимого Отто, и оскалится. – Мне что, нужно будет бегать перед ними, как попугай? Пока ты будешь отсиживаться и любоваться природой?

– Попугаи не бегают, а летают, – тактично поправил его Ромо.

– Неважно! – крикнул Шон, распаясь все сильнее. От избытка эмоций он даже вскочил со стула, нависнув над столом. – Тебе что, нравится этот план, Ромо? Тебе ведь тоже придется рисковать!.. И чертовски сильно рисковать!

– Я не буду любоваться природой, волосатый дурак, – резко ответил Отто. – Ее там нет. Думай, что говоришь. Хотя нет, позволь думать мне – все-таки я здесь отвечаю за проработку планов!

– Мне не нравится этот план, – категорично заявил Ромо. – Мы действительно сильно рискуем. Мы все должны выжить, а ты подставляешь нас. Придумай другой план, Отто. Пожалуйста.

– Какого черта ты его умоляешь, Ромо? – пробасил Эггс и ударил кружкой по столу. – Его работа – придумывать планы. Если они нам не нравятся, он должен придумать такой, который всех устроит!

– Успокойтесь все, – снова успокаивающе сказал Ромо, разводя руки в стороны, словно все сейчас сцепятся в драке. Затем он ласково обратился к окаменевшему Отто, скрестившему руки на своем стуле. – Ты же гений, Отто, я знаю, ты сможешь. Помнишь, какой чудный план ты придумал, чтобы похитить принцессу? Это было так гениально – выманить ее на балкон с помощью дрона, который разговаривал голосом ее давно пропавшей матери!

Отто, польщенный, почти незаметно улыбнулся.

– Хорошо, я придумаю новый план, – смягчившись, пробубнил он.

В голове у Питера зашумело. Принцесса? Уж не о принцессе Элли говорили эти подонки и убийцы? Если это так, он должен выяснить, где она и все ли с ней в порядке! Но как?

– А тот план, благодаря которому нами стал править Его Великолепие? – мягко, словно подлизывающийся кот, продолжал Ромо, и благоговейно посмотрел в потолок, на котором Питер заметил огромный линзообразный экран, нависший над центральным столом. Экран был выключен, но, похоже, для взора Его Великолепия в Доме не бывает выключенных экранов. С помощью них он глядит на своих подчиненных, заглядывая в каждый уголок, в каждую душу! – Джеронимо, может, расскажешь нам, как вы с Отто это устроили? Это моя любимая история!

6. Рассказ Джеронимо

Джеронимо, польщенный всеобщим вниманием – даже бармен за стойкой, казалось, наострил уши, в сотый раз начищая до блеска стакан в своей руке – медленно откинулся на спинку стула и положил на стол обе руки.

– Да-а-а, – протянул Джеронимо, глядя куда-то в потолок, – когда-то Дом был совсем иным местом – он и назывался-то тогда вовсе не Дом, а МЦСИ – Мировой Центр Современных Искусств, и было в нем всего лишь полсотни этажей. Именно он должен был объединить в

себе все телевизионные и музыкальные студии мира, все художественные галереи, а также все новейшие изобретения, позволяющие погрузиться в другую реальность. Материалы Центра – кинофильмы, видеоролики, музыка, искусство, цифровая живопись, виртуальная архитектура и многое другое – должны были увеличить свое качество, а, следовательно, свою ценность в глазах всего мира из-за жесткой внутренней конкуренции между работниками Центра. Первым главой Центра стал Бенедикт Хоуп – он намеревался создать в Центре по-настоящему рабочую атмосферу, чтобы все работники буквально жили творчеством и выдавали свой максимум, ведь именно в этом была главная ценность Центра – создавать действительно качественный материал. И первое время Центр исправно выполнял свою задачу.

Старик рассказывал эту историю таким голосом, словно она была у него любимой с самого детства. Он немного помолчал, наслаждаясь всеобщим вниманием, и продолжил:

– Но вскоре обнаружилась неприятная... тенденция, – сказал Джеронимо после небольшой паузы. Остальные слушали молча и внимательно, и только Шон демонстративно плевал в потолок. – Актеры, режиссеры и все остальные, связанные с производством фильмов, попав в Центр, начинали думать, будто они достигли высочайшего престижа, и все их работы начинали заметно терять в качестве. У режиссеров появились иные ценности – они перестали снимать кино про человеческие чувства, про высокие чувства, про эмоции, и перешли к так называемому “черному кино”, которое обнажало все жестокости и всю мерзость человеческой природы. В картинах стали цениться грязь и насилие. Музыка превратилась в электро-синтетический хаос с дикими криками, ужасными, разрывающими уши, звуками и мрачными нагнетающими ритмами. Такой музыке дали название ультрастеп, и она стала захватывать молодежь. Цифровая живопись так же, как и кино, скатилась на самое дно и стала изображать только примитивные физиологические процессы, – тут Эггс поморщился, что-то себе представив, – и самые низкие проявления человеческого характера.

Но что самое ужасное, понял вскоре Бенедикт, так это то, что весь мир беспрекословно следовал всем тенденциям современного искусства, слепо подражая, копируя и распространяя каждое новое извращение, вышедшее из недр Центра... Хоуп понял, что мир стал погружаться в бездну, ведь теперь искусство служило не для того, чтобы тянуть людей кверху, к небесам, а для того, чтобы принизить людей до уровня их самых низменных качеств! Он понял также, что это возникло из-за него и самой концепции Мирового Центра – когда люди искусства начинают жить друг с другом, в полной изоляции от остального мира, их видение реальности начинает искажаться, и они начинают видеть высокое в том, что всегда было мерзким и недостойным всеобщего внимания. После этого Бенедикт, обезумев, вознамерился разрушить Мировой Центр.

Но! – тут Джеронимо победно поднял палец вверх. – К счастью, этому не суждено было случиться. О намерениях уничтожить Центр прознал наш великий будущий Его Великолепие, – старый злодей вновь благоговейно посмотрел в потолок, – и понял, что, хоть Центр и погряз в грязи и извращении искусства, он все же может исполнить свое предназначение, и разрушать столь грандиозное сооружение было бы верхом безумия. Будущий Его Великолепие обратился за помощью ко мне и Отто, – Джеронимо благодарно посмотрел на бледного Отто, – и мы не подвели его! Тогда под основанием Центра как раз был обнаружен чудесный солин, но он не интересовал Хоупа, зато очень заинтересовал нынешнего президента корпорации “Мираж” – тогда еще никому неизвестного бедного ученого, доктора Моррисона. Доктор Моррисон изобрел первый в мире лайвер, и мы вместе с Отто решили подарить его Бенедикту. Доктор Моррисон тайком ото всех изобрел прототип портала, какими сейчас повсеместно пользуются клиенты “Миража”, но он не обладал достаточной силой внушения без солина и лайверов.

И вот, перед торжественным ужином, за которым собирались Хоуп и еще ряд доверенных ему людей, среди которых был и будущий Его Великолепие, звавшийся тогда, простите за

дерзость, Хэйлом, и бывший тогда еще неприметным продавцом рекламы, мы с Отто пробрались на кухню и подсыпали в еду Бенедикту щепотку солина. Вы, наверное, хотите узнать – как же мы догадались, что именно будет есть Хоуп? – Джеронимо медленно обвел взглядом напряженных слушателей – всех, кроме невидимого Питера. – Очень просто! Владелец Дома обожал печеные груши – кроме него никто эту гадость – хе-хе-хе – не ел, поэтому наш выбор пал именно на это блюдо. Вскоре груши подали, Бенедикт их слопал, после чего его глаза широко раскрылись – верный признак того, что человек сейчас готов поверить во что угодно! – Джеронимо тоже широко раскрыл глаза и захихикал. – И Его Великолепие спрашивает Бенедикта: “Многоуважаемый господин Хоуп, не хотели бы вы взглянуть на наше новое изобретение?” Тот, естественно, кивает, словно ребенок, и послушно идет за будущим Его Великолепием. Они приходят в мастерскую доктора Моррисона, Бенедикт получает свой лайвер и отправляется в путешествие в один конец, хе-хе-хе... Вы только представьте себе – первый лайвер и первый портал – и все для господина Хоупа! Какая честь! Наверняка он и поныне бродит по какому-нибудь заброшенному миру, одному из миллиона миров “Миража”!

– И что потом? – замороженно спросил Ромо, державший голову на выставленных перед собой ладонях.

– Дальше уже Его Великолепие взял все в свои руки, – скомкано закончил Джеронимо, поглядывая на безучастного Отто. – Сначала отправил рабочих в шахты, чтобы добывать солин, после этого составил план двадцатикратного увеличения Центра и переименования его в Дом. Разумеется, за былые заслуги наградил меня и Отто персональными этажами в будущем Миракулюсе, а доктору Моррисону выделил аж две сотни этажей для обустройства своей корпорации. Ну, а дальше вы сами знаете – невероятная популярность Дома, заселение Либерталии...

7. Всепоглощающие экраны

Воцарилось недолгое молчание. В кафе зашло еще несколько человек – они на ходу снимали очки и вытаскивали из ушей затычки, одновременно подзывая к себе официантов.

– Брехня! – Эггс громко высморкался. – Все знают, что Его Великолепие правит Домом с самого начала. И нету у вас никаких этажей в Миракулюсе! Иначе зачем вам шататься по Либерталии?..

– Дурак ты, Эггс, – ответил Отто ядовитым голосом. – Мы всегда помогаем Его Великолепию, когда он просит. А сейчас ему нужна наша помощь как никогда! Кто еще сможет прикончить Винкерса, если не мы? Или, может быть, ты решил сидеть и ждать, пока вся эта толпа грязных и вонючих бунтовщиков ворвется сюда, в Либерталию?

Джеронимо согласно кивнул:

– Да, с этим никто не сможет справиться, кроме нас. Сегодня в новостях передавали – восстание скоро доберется до солиновых станций. Каждый час к нему присоединяется все больше людей – сначала это были только рабочие из шахт, у которых внезапно закончился солин, затем они достигли операторской, где к ним присоединилось еще полторы сотни человек. Потом – фабрика по переработке солина, а за нею и фабрики помельче. Они крушат все экраны, которые Хэйл заботливо расставил по всему Дому, дабы мы никогда не скучали. Винкерс говорит, что эти экраны, якобы, сводят с ума, а Его Великолепие, видите ли, вместе с “Миражом” превратили рабство в узаконенное явление!

Они идут все выше, понимаете? Доберутся до станций – а оттуда и до нас недалеко. А потом и до Его Великолепия доберутся! Нет, мы должны остановить Винкерса, и остановить прямо сейчас. Он – глава восстания, с его смертью умрет и его дело.

Все согласились с ним, после чего вновь наступила пауза, каждый думал о чем-то своем. Шон глядел в потолок и плевался, Эггс хмурился и иногда вслух спорил сам с собой, Ромо

благодушно глядел в окно, Джеронимо кашлял, а Отто продолжал невозмутимо глядеть перед собой.

В этот момент Питер решил задать вопрос, мучивший его все это время – кого из себя представляет этот самый Хэйл? Он не хотел выдавать себя, и все это время думал, как же ему действовать. В этом был главный минус его невидимости – он не мог просто так заговорить с ними, не мог втереться к ним в доверие. Но вскоре он решил – он шепнет кому-нибудь на ухо свой вопрос, и тот наверняка подумает, что его задал сосед. Но нужно было действовать осторожно – каждый хранил молчание, занятый своими мыслями, а Шон вообще встал из-за стола, лег на пол и стал быстро отжиматься, утробно рыча при каждом подъеме.

Питер, наконец, решился, подошел к Джеронимо и шепнул в его настоящее ухо:

– А каков из себя Хэйл? Видел ли ты его?

Джеронимо округлил глаза, вскочил со стула и, бешено озираясь по сторонам, громко спросил:

– Кто сейчас со мной разговаривал?

– Никто, – удивленно ответил Ромо. – Все молчали, Джеронимо.

– Не держи меня за идиота! Здесь кто-то есть, он спросил меня о Его Великолепии!

– Может быть, это был он сам?.. – предположил Эггс, благоговейно, словно овечка, посмотрев в потолок, на светящийся экран.

– Зачем Его Великолепию спрашивать про самого себя?..

Питер откинулся на стуле, наслаждаясь своей полной безнаказанностью. Он мог делать с этими людьми что угодно. Будь его воля – он бы прикончил их всех, этих наглых и жестоких убийц, вознамерившихся подавить восстание и убить того, кто впервые смог стряхнуть с себя и своих товарищей оковы, наложенные Хэйлом. Но – пока еще рано. Он не имеет права действовать в открытую, у него другая задача – спасти принцессу и добраться до хозяина этих головорезов.

Остальные тем временем отрицали нападки разъяренного не на шутку Джеронимо, допытывавшегося, кто же заговорил с ним. Лицо у него покраснелось и стало похожим на перезревший помидор, а при каждом слове он топал ногой и чесал свое железное ухо. Тут Блок увидел, что Отто, словно шестым чувством что-то учувшего, внимательно оглядел зал, затем, видимо, ничего не обнаружив, что-то подкрутил пальцами в своих прозрачных очках, отчего они внезапно стали черными. К ужасу Питера, взор Отто устремился прямо на него. На лице бандита появилась кровожадная улыбка, которая выглядела пугающе на этом бледном, по-аристократически утонченном лице:

– Вот он! Шпион! Держи его!

Он показал пальцем прямо на Питера, и того тут же сковал ледяной страх. Все посетители повскакивали со своих стульев и стали двигаться в его сторону, разводя перед собой руками, словно слепые. Бармен тем временем достал из кармана свой экран и стал быстро набирать номер, намереваясь, по-видимому, вызвать полицию. Вскочить, двигаться, бежать, иначе они схватят его, и тогда все пропало...

Нужно было что-то делать! Питер почувствовал в себе прилив сил и резко ударил прямо по тонкому носу Отто, задев очки. Отто завопил от боли, остальные шархнулись от него в разные стороны. Краем глаза Питер заметил, что Шон, двигаясь словно кошка, приближается к выходу, отрезая единственный путь для отступления. Завопив, словно обезумевший дикарь, Питер помчался прямо на Шона, сбил того с ног и стремительно выбежал по коридору на улицу. За его спиной раздался шум, но вскоре крики и ругань остались позади.

Питер вклинился в людской поток. Снова его стала оглушать реклама, и он, не разбирая дороги, помчался куда глаза глядят. Он прошел сквозь сборище молодых парней и девушек, бурно что-то обсуждающих, перекрикивая гул сотен мелькающих экранов; оказалось, что они столпились вокруг упавшего на толстый прозрачный пол дрона – похоже, один из его двигате-

лей повредился. Дрон продолжал озвучивать программу, заложенную в него, но его механический голос был расстроенным и низким, словно у сломанного телевизора:

– “Мираж”... дивный новый мир для вас!..

Тут Питер краем глаза заметил, что все экраны сменились на одно изображение. Теперь повсюду на него глядел Хэйл – он что-то говорил и улыбался, но из-за шума ничего не было слышно. Вскоре все утихло, и Блок разобрал слова владыки Дома: “Я верю в вас, друзья. У вас все получится. Либерталия – обитель свободных людей!” На экране снизу от лица Хэйла появилась разгорающаяся красным надпись “Время хэйла”. Все вновь зашумели, но уже организованно – люди скандировали “Хэйл! Хэйл!”, подняв высоко вверх свои яркие экраны, так что казалось, будто Питер очутился в каком-то футуристическом лесу. Его имя кричали все – молодежь, дети и старики, мужчины и женщины, те, кто был хмур, и те, кто был весел и радостен – все они слились в одном слове – Хэйл, словно приветствуя своего бога. Лицо глядело на Питера отовсюду – со стен домов, с голограмм у магазинчиков, с дронов, жужжащих в воздухе, даже с одежды жителей – словно он видел его, невидимого и распыленного, и прощал его за его желание докопаться до правды. Как же много он значит для этих людей!

Питер взглянул прямо в лицо Хэйла – молодое и гладкое, без единой морщинки, с улыбкой человека, твердо уверенного в том, что в жизни не бывает неразрешимых проблем, с глазами, в которых, несмотря на юный возраст, были видны мудрость и великие душевные силы. Когда Блок смотрел на его огромное лицо, нависшее над ним с изображения на стене игольчатого небоскреба, в его голове пропадали все мысли, и хотелось только любить его, этого умного и уверенного во всем юношу, хотелось поклоняться ему, хотелось обожествлять его и кричать его имя вместе со всеми остальными! “Я верю в вас. У вас все получится!”

“Неужели Хэйл так ужасен?” – подкралась к Питеру скользкая мысль. Он попытался закрепить ее в себе, но в голове будто поселился ветер, изгоняющий все подозрения, оставляя только одну истину – как был велик и могуч Хэйл. Но в этом чувствовалось что-то чужеродное...

“Хэйл... Сводит людей с ума...” – Питер продолжал развивать эту мысль, причиняя себе невероятную боль. Разрушать построенную кем-то правду было мучительно тяжело. “Экраны... заманивают... Старик... Говорил, что экраны внушают любовь... Внушают любовь. Внушают!”

– Я не верю тебе, Хэйл! В этот раз ты не сможешь меня обмануть!

Одиноким голосом прозвучал словно гром среди ясного неба. Люди шарахнулись в разные стороны от него, а Питер Блок смело глядел прямо на экран, полностью занятый улыбчивым лицом владыки Дома. Но вот Хэйл нахмурился, морщины прорезали его лоб – он вглядывался в толпу, пытаясь найти и наказать осмелевшего сыщика. Люди вокруг шептались:

– Вы слышали?

– Кто это?..

– Какой дерзкий!..

– Кто он?

– Никто не смел так разговаривать с Его Великолепием!

– Мне это не послышалось? Он назвал Его Великолепие по имени?

Хэйл, не найдя невидимого врага, перевел взгляд куда-то вверх. На лице его снова появилась дерзкая улыбка:

– Я узнаю эту смелость. Это ты, Питер Блок, однажды просветлевший и вновь погрязший в своем безумии! – его ядовитый голос просачивался в уши, словно змея. – Покажись, и мы сможем с тобой поговорить!

...Он словно сбросил с себя оковы. Как же умело вся индустрия Дома внушает своим жителям ложные ценности! Экраны – вот настоящая опасность. Из них исходит лживая, навязанная любовь к ложному богу Хэйлу, которая превращает человека в еще одного муравья

в этом огромном муравейнике из стекла и света! Остальные не могут осознать этого просто потому, что находятся под постоянным его влиянием – влиянием его экранов и заполняющей всю голову рекламы! Чем они отличались от рабов?.. Они и были рабами, но рабами нового поколения – им не нужны были надзиратели, а их владыки не угнетали их, а приободряли, жители были опьянены свободой и переполнены мыслями и идеями, посеянным чужой рукой, а постоянная реклама заполняла собой всю голову – то место, которое хранило все самые сокровенные мысли и чувства каждого человека!

Хэйл, видимо, поняв, что Питер не будет раскрывать себя, гневно насупил:

– Если ты не хочешь сам показаться мне, в таком случае... Найдите его! Он – опасный диверсант, шпион и убийца!

В толпе стали мелькать полицейские каски. Питер понял, что ему нужно удирать, иначе он попадетсся, и тогда его миссии будет конец. Не желая больше слушать Хэйла, зажав уши и закрыв глаза, Питер убежал в переулок, проредив толпу. Люди недоуменно озирались ему вслед, продолжая шептаться и сплетничать:

– Вы слышали?

– Тот самый Питер Блок?

– Диверсант?

– Последний герой?

– Шпион?

– Великий сыщик?

– Убийца!

– Тот, кто не подчинился Его Великолепию?..

– Кажется, Его Великолепие... боится его?..

В переулке ему снова стало легче, как в тот раз, но, слава богу, кошмар больше не напоминал о себе. Он побрел меж домов, заглядывая в окна случайным людям, которые уставились в экраны с Хэйлом, словно ожившие мертвецы, а на лицах их застыл абсолютно детский восторг.

– Питер? – внезапно раздался чей-то голос позади него. – Питер Блок?.. Это ты?..

Питер резко обернулся, а в голове его, словно испуганная птица, была только одна мысль: неужели Отто со своими всевидящими очками настиг его?..

К счастью, это был не Отто и не полиция – полное тяжелое тело, лысая макушка, брюки и рубашка разных цветов, в руках – потухший экран. Этот человек казался ему знакомым... В руках он держал черные очки, через которые и увидел сыщика. Окружающие их люди словно и не замечали никого около себя.

– Кто ты? – приготовившись бежать, быстро спросил Питер.

– Уильям! Ты что, не узнаешь меня? – он побежал к Блоку, но, увидев, что тот уже готов дать деру, остановился, умоляюще протягивая руки. – Я... Я не причиню вреда! Я же Уильям, Питер! Помнишь меня? Мы вместе пришли сюда, чтобы разобраться, что творится в Доме. Теперь вспомнил?

8. Обманутые Хэйлом

– Нас было пятеро – ты, я, еще Блейк, Эдриан и Винкерс, – говорил Уильям, разливая чай по квадратным стаканам. Он привел Питера в свой дом – квартиру с несколькими крохотными комнатками, в каждой из них горели экраны, к счастью, уже без Хэйла.

– Винкерс?.. – удивленно спросил Блок, пробуя чай. – Уж не тот ли это Винкерс, который...

– Да, это именно он ведет восстание шахтеров, – подтвердил Уильям.

– Но как произошло, что мы потерпели неудачу? Почему мы все разделились? И что стало с остальными?

– Я расскажу тебе, – ответил Уильям, садясь на стул напротив Питера и делая глоток. Он был в тех самых черных очках, какие были у Отто, и, видимо, прекрасно его видел. – Нас прислали сюда, чтобы узнать, как Хэйл добился такой власти и почему все люди рвутся в Дом, оставляя все свои нажитые ценности и продавая последнее, чтобы купить билет в один конец. Мы прибыли и узнали, что Хэйл использует телевизионные экраны, чтобы сделать население Дома послушным и верным ему. Затем мы добрались до самого Хэйла – вернее, мы нашли этаж, на котором он обитает.

Уильям замолчал.

– Ну, а дальше? – поторопил его Питер.

– А дальше начался пожар. Мы потеряли сознание, все, кроме тебя. Когда мы очнулись, ты уже был с нами, ты сказал, что мы ошибались в коварстве Хэйла, и что теперь ты во всем разобрался. Ты сказал, что Коалиция нас обманула, что она завидовала могуществу Хэйла и хотела устранить его, но ты вовремя раскрыл обман, поговорив с Хэйлом. Ты сказал, что Хэйл обещал счастливое будущее всем нам, и мы тебе поверили. С тех пор мы живем здесь.

Питер не мог поверить, что это была правда. Но Уильям не был похож на лжеца и, вроде бы, говорил искренне. Должно быть, Хэйл как-то повлиял на Блока, отчего тот решил отказаться от своей задачи. Но почему он тогда не живет обычной жизнью, как и все остальные сыщики?

– А что случилось с остальными?

– Блейк стал генералом армии Хэйла, – с готовностью ответил Уильям, переводя взгляд из стороны в сторону и не глядя Питеру в глаза, будто хотел что-то скрыть. Должно быть, просто привычка. – А Эдриан, он всегда был умным и талантливым, и всемогущий Хэйл наградил его местом верховного советника после того, как его выписали из больницы – он очень сильно пострадал во время пожара. Теперь Эдриан – правая рука самого Хэйла, и живет исключительно в Стране Чудес.

– А ты? – спросил Питер. – Чем занимаешься ты? Похоже, тебе не нравится теперешнее существование, так?

Уильям опустил голову.

– Я всегда был безвольным, Питер. У меня никогда не было лидерских качеств, как у тебя, и я не был таким же сообразительным, также я не был стойким и целеустремленным, как Блейк, не был мудрым и красноречивым, как Эдриан, и уж точно не обладал такой харизмой, как Винкерс... Поэтому я стал жить самой обычной жизнью здесь, в закоулках Либерталии. Хоть я и поверил тогда тебе, но теперь мне кажется, что все мы были обмануты Хэйлом. В часы, когда мое сознание свободно от солина и экранов, я думаю о том, что же тогда случилось, и начинаю сомневаться в Хэйле. Боже, это очень опасные мысли! – Вдруг воскликнул Уильям.

– Ты прав, Уильям, – решительно ответил Питер, протянул ладонь к лицу Уильяма и направил его на себя, встретившись с испуганными глазами. – Ты прав – Хэйл обманул нас всех. Я не знаю, какими чарами он обладал, но ему это удалось. Но я снова все вспомнил, и я намерен вновь добраться до него. И на этот раз ему не помогут никакие чары! Клянусь, теперь он будет держать передо мной ответ!

Последние слова он произнес, глядя в экран за спиной Уильяма, уверенный, что Хэйл его слушает и, возможно, покрывается мурашками от страха. Но это было так же глупо, как и надежды тех убийц в баре, будто Хэйл внимал их речам – один человек просто не может быть везде и сразу.

– Ты должен быть осторожен, Питер, – шепотом сказал ему Уильям. – Хэйл или кто-то из его прислужников может услышать тебя. Хоть ты и невидим, но все же смертен! Хэйл в Доме – царь и бог. Он управляет светом и он решает, когда здесь наступают день и ночь; он управляет временем; в его руках – погода, и лишь ему известно, когда в Доме пойдет снег или дождь...

Маленькое устройство-экран, которое было у Уильяма, чуть вздрогнуло, и поверхность зажглась белым светом.

– Что это за устройство? – спросил Питер, показав пальцем на экран. – Оно есть у всех без исключения в этом странном Доме...

– Видеофон, – ответил Уильям. – Благодаря ему можно вести переписку, делать снимки, покупать и продавать, но цена этому – полное доверие Хэйлу и полиции. Его почти всегда нужно держать включенным, и он обладает функцией постоянной звукозаписи – так полиция контролирует “чистоту словесного эфира”, как они выражаются – иными словами, хватают всех, кто проговорится о своем настоящем отношении к владыке Дома... Но я уже ничего не боюсь и давно перестал таиться – если меня отправят в шахты, ничего в моей жизни не изменится.

Питер снова сел на стул и оглядел крошечную кухню. Аккуратная, квадратная и стерильная. Экран телевизора, тонкий, словно лист бумаги, висел на стене, за спиной Уильяма. Стекло-лянные полки, столы и стулья, белоснежная плитка, убаюкивающий голос...

Питер снова стал проваливаться в свой кошмар. Повсюду белые стены, свет, отражаясь от них, слепил сыщика, будто тот находился внутри солнца. Космический ветер в голове, обнажающий полости мыслей, губительный ветер пустоты... Врач перед ним – безжизненная маска, стеклянные глаза:

– Чтобы излечиться, вам нужно отринуть его личность. Понимаете, Питер?

– Питер? Питер, ты в порядке?

Блок резко выпрямился на стуле, сон как рукой сняло. Уильям глядел на него с тревогой.

– Мне постоянно снятся кошмары, – хриплым голосом сказал Питер, – будто я в какой-то больнице и за кем-то бегу, а в голове бушует ветер. Дурацкий сон...

Уильям помолчал, затем схватил пульт от телевизора, что-то нажал, и на экране появился... Его кошмар!

Камера, видимо, была закреплена прямо на голове персонажа, и фильм показывался от первого лица. Та же белоснежная плитка повсюду и те же тяжелые звуки, призванные передать атмосферу, царящую в пустой голове. Главный герой тоже за кем-то бежал, маневрируя среди рук и пальцев врачей в причудливых масках из стекла и ткани.

– Что... Что это?.. – удивленно спросил Питер, поглядев на Уильяма. Тот с улыбкой ответил:

– Это новое телешоу, прямиком с полигонов “Телемира”. Называется, кажется, “Побег из больницы”. Главные особенности – удивительно захватывающий стиль съемки и... как же там написано... “изображение сумасшествия путем использования визуальных и звуковых средств”... Здесь даже снялся сам Хэйл – это он убегает от главного героя, видишь?

И впрямь, от главного героя убегал именно Хэйл – он часто оглядывался назад, чтобы посмотреть на преследователя, при этом постоянно улыбаясь и ускользя в самый последний момент. Но тут главного героя ловят, перехватывают его конечности, он беспомощно глядит, как ему в плечо всаживают укол с длинной иглой, и его зрение затуманивается. Перед тем, как полностью забыться сном, он срывает с ближайшего к нему доктора маску, за которой обнаруживается удивительной красоты лицо юной девушки – огромные глаза, румянец на щеках, изящные скулы, крохотная родинка над верхней губой...

– Кто эта красавица? – спросил пораженный ее красотой Питер.

– О-о-о, ты не знаешь? Это новая восходящая звезда Дома, избранница Эдриана, прин... – его слова прервались тяжелым ударом в дверь, после которого раздался приглушенный голос:

– Открывай, Уильям! Это мы! Открывай, живо!

– Вот черт! – испуганно прошептал Уильям, вскочил со стула и заходил по кухне из одного угла в другой. – Они пришли за мной! Пришли, пришли, я пропал, пропал!..

– Успокойся! Кто это?

– Солиновая мафия!

– Кто?

– Они продают солин гораздо дешевле, чем рынок – всего по хэйлу за грамм. Но требуют, чтобы покупки были не реже раза в неделю! Хотя... в чем дело? – Уильям нахмурился, припоминая. – Я ведь покупал совсем недавно...

– Они требуют?.. – удивился Питер. – Требуют, чтобы ты покупал? Насильно?

– Ну, не совсем насильно... – промямлил Уильям. За дверью тем временем снова прозвучал угрожающий голос. – Солин-то всем нужен. Похоже, они ошиблись. Сейчас все им объясню.

Уильям подошел к двери, посмотрел в глазок и сказал:

– Это какая-то ошибка! Я покупал солин совсем недавно!

Пауза.

– И ты его принимаешь? Регулярно? – уже спокойно спросил тот же голос.

– Конечно! Сразу после ежедневного хэйла!

– Хмм. Похоже, мы и правда ошиблись, – голос выдержал паузу. – Ты не откроешь нам, чтобы убедиться?

– Да-да, конечно... – Уильям повернулся к Питеру, напряженно наблюдающему за диалогом, и шепотом сказал: – Выбегай через окно в самой дальней комнате! Быстрее!

– Что им от тебя нужно?

– Не знаю, – Уильям пожал плечами и нервно улыбнулся. – Они любят иногда просто поболтать. Уходи, они не должны тебя видеть. Найди остальных и открой им правду!

Питер быстро подбежал к Уильяму и сказал:

– Когда я закончу с Хэйлом, мы все вместе уйдем из этого проклятого Дома. До встречи, Уильям!

9. Погоня

Он спрыгнул на стеклянный пол, затем встал на цыпочки и заглянул в окно. Что им было нужно от Уильяма, если он ни в чем не провинился? Проклятье, у Питера было еще столько вопросов – например, у кого еще есть такие приборы, которые способны обнаружить его? И где он найдет остальных – Блейка и Эдриана?..

Как много вопросов! Он все еще ничего не знает об этом проклятом Доме!

Из квартиры Уильяма доносились обрывки неспешного монолога. Кажется, говорил один из гостей, а остальные молчали.

– ... В шахты, Уильям. Именно так, – услышал Питер.

– Но... Но почему? В чем я виноват?

– Ты ведешь себя слишком подозрительно. И твою любовь к Его Великолепию... слишком неправдоподобна. Если бы ты действительно верил в Его Великолепие, ты бы не размышлял об этом так много.

– Глупости какие-то...

– И это я еще не говорю про записи экранов. Ты хочешь, чтобы я и их просмотрел, Уильям? Ты правда этого хочешь? Ты ведь знаешь, что они все видят, даже когда выключены? – продолжал давить голос. По ощущениям, он принадлежал уже немолодому человеку – лет пятьдесят или больше.

– Н-нет... Не надо...

– И почему ты не открывал нам дверь так долго? У тебя были гости?

– Нет, господин Трейнс, какие гости! – испуганно сказал Уильям. – Вы же знаете, я всегда один!

– В том-то и дело, Уильям. Ты всегда один, – гость забухал тяжелыми шагами по квартире, будто находился у себя дома. – А такое ощущение, будто совсем недавно здесь был кто-то еще. Ощущение, будто ты спрятал кого-то. Спрятал ведь, правда? Уильям?

Пауза. У Питера внутри все сжалось.

– Господин Трейнс, у меня и правда никого нет. Если желаете, можете обыскать мой дом. Снова напряженное молчание.

– Твоя совесть чиста, Уильям, – наконец промолвил Трейнс. – Потому что в этот раз ты говоришь правду. У тебя даже голос изменился. Почему ты врал мне до этого? А?! Говори, где он!

Послышалась звонкая пощечина.

– Где он, Уильям? Ты же знаешь, как он опасен? Это ведь он, да? – снова пощечина и вскрик Уильяма. – Это он? Невидимый диверсант?.. Питер Блок, или как его там звать?..

У сыщика застучало в ушах. Уильям страдает из-за него! Блок не может просто так отсидеться здесь, пока они мучают его друга!

Но что, если они его поймают? Мысль прокралась в голову Питера, словно была чужеродной, словно она не принадлежала ему. Только ему, Питеру Блоку, великому сыщику, по силам выполнить эту непростую задачу, только он еще обладал всеми возможностями для этого. Если сейчас он побежит спасать Уильяма сломя голову, что может произойти? Если его поймают, как Уильяма?..

К черту все это! Он должен спасти своего товарища!

Тут Питер ощутил чье-то присутствие совсем рядом с собой. Оказалось, к окну, из которого он недавно выбрался на улицу, и у которого проторчал весь разговор, подошли несколько полицейских. Один из них оказался прямо около Питера, и тот затаил дыхание.

– Эй, господин Трейнс, – окликнул бандита один из полицейских с клиновидной бородкой. – Кажется, здесь и вправду кто-то был. Смотрите, пыль на подоконнике в этом месте стерта. Он выбирался через это окно!

Послышались быстрые шаги, и Питер наконец увидел мучителя Уильяма. Господин Трейнс был седовласым высоким мужчиной с цепким взглядом и лицом, полным морщин и красным от недавно приложенных усилий. Трейнс был одет в узкие брюки и элегантный пиджак темно-синего цвета, а в одном глазу был монокль – то есть, конечно, это было какое-то новейшее устройство, переливающееся всеми цветами радуги, которое хотело казаться стареньким моноклем.

Господин Трейнс внимательно осмотрел место, где Питер недавно выбирался, случайно вытерев пыль с подоконника своей рукой.

– Ну и что же ты стоишь, Харп? – рявкнул Трейнс, обращаясь к полицейскому с дурацкой бородкой. Что за низость – полиция пресмыкается перед бандитами и даже помогает им! – Найди его! Ромо там такой шум поднял, что он может добраться до ушей самого... – Трейнс указал пальцем куда-то вверх.

– Ромо? – изумленно спросил один из полицейских. – Убийца на службе Его великолетия?

– Он самый, – раздраженно ответил Трейнс. – Это последний из диверсантов, Питер Блок. Его святейшество Хэйл уговорил его оставить свою преступную деятельность, но тот оказался упрямым как баран. Поймите его! А, хотя... Пойдите-ка здесь!

Трейнс пропал в квартире; затем снова послышался его лающий голос, умоляющие всхлипывания Уильяма, потом тяжелые шаги опять стали возвращаться к Питеру и полицейским, мимо которых он не мог пройти, не выдав себя.

Появились Трейнс и бледный Уильям, которого вели под руки двое верзил в шляпах. Трейнс сжимал в руке темный предмет... Те самые очки Уильяма, глядя в которые, он мог увидеть невидимого Блока!

– Вот, держите, – Трейнс протянул черные очки Харпу, лениво поглядевшему на морщинистую руку. Питер, бледнея от собственной наглости, быстро коснулся окуляров и попытался их вырвать из руки старика, но те внезапно сомкнулись мертвой хваткой!

Лицо Трейнса перекошилось от кровожадной улыбки.

– Я держу его. Держу его! Хватайте его, быстрее! А-а-а!..

Кисть Трейнса изогнулась под неестественным углом. Питер крутил ее во все стороны, пытаясь вырваться из мертвой хватки и одновременно отобрать смертельные для него, если они попадут в чужие лапы, окуляры. Полицейские вокруг переполошились, Харп достал из кобуры черный пистолет и нацелил его туда, где, по его предположению, должен быть Блок. А Питер все не оставлял своих попыток вырвать руку из сломанной кисти Трейнса.

Тут Уильям издал боевой клич, чудесным образом освободился из захвата громил и толкнул Трейнса вниз – тот полетел на стеклянный пол, наконец расслабив ладонь. Но, к несчастью, окуляры покатались далеко вперед, прямо под ноги Харпу. Тот быстро поднял очки, прислонил к глазам и воскликнул:

– Я вижу его! Вот он, удирает между домами! За ним!

Питер бежал без оглядки, словно за ним гналась целая стая диких псов. Слышались выстрелы – стреляли самые опрометчивые, надеясь на слепую удачу, но удача пока была на стороне Питера. Что же теперь будет с Уильямом, подумал он?..

И куда, черт возьми, бежать? Рано или поздно они загонят его, словно трусливого зайца! Нет времени думать, мысли разлетаются в разные стороны, и он почувствовал себя как в том телевизионном кошмаре, разве что звуки были другими.

Из проулка он выбежал на улицу, и шум возрос многократно. Причудливо одетые жители Дома продолжали бесцельно слоняться по городу, видимо, ожидая очередного появления Хэйла на телеэкранах. Питер растолкал тех, кто мешал ему, одновременно с тем полностью выдавая преследователям свой маршрут. Он оглянулся – полицейские бежали за ним, а впереди всех был Харп, внимательно высматривающий Питера через черные окуляры. К счастью, они перестали стрелять.

– Тебе не скрыться от полиции Дома! – угрожающе крикнул Харп, но его крик потонул в информационном рекламном шуме. Питер уже выбежал в очередной переулок.

Куда бежать?.. Стараясь не налететь на прохожих, он оглядывался по сторонам в поисках спасения. И тут справа он увидел кабину лифта с надписью над дверью: “Платный лифт”. Двое человек, старый мужчина и его немолодая спутница, стоявшие около панели с несколькими кнопками, похоже, оплачивали услугу. Вот двери распахнулись, и Питер влетел туда раньше них, по пути оттолкнув незадачливых горожан от дверей.

– Извините! – крикнул он на прощание. – Техническая поддержка закрывает этот подъемник!

Двери за ним плавно закрылись, и лифт пошел вверх. Горожане недоуменно глядели по сторонам, гадая, кто это сейчас с ними говорил. Тут Питер увидел полицейских и среди них Харпа, оглядывающегося по сторонам. Никого не увидев, Харп с досадой ударил кулаком по стене и воскликнул:

– Черт! Мы его потеряли!

Питер чудом спасся от погони.

10. Всемирная корпорация “Мираж”

В последний раз поглядев вниз, где Харп в бессильной ярости вопил на своих спутников, Питер облегченно выдохнул. Перед ним проплывали все новые этажи муравейника под названием “Либерталия”, стеклянные полы, прохожие в безумных одеждах, рекламные изображения сменяли друг друга, и Питер никак не мог привыкнуть к этому масштабному зрелищу, хотя этажи были похожи друг на друга. Вдалеке он видел точно такие же лифты, в котором подни-

мался и он – люди в них были, похоже, привычны к подобным видам и ничему уже не удивлялись. Вместе с Питером вверх плыли огромные небоскребы, которые, словно титанические иглы, прорезали все этажи этого удивительного Дома – иногда Блоку казалось, будто они были огромными айсбергами, красующимися перед ним своими колоссальными размерами. Питер подумал, что, живи он в тени таких небоскребов, его каждый раз охватывал бы тревожный ужас, который наводили бы на него эти невероятно огромные дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.